

DOI 10.54596/2958-0048-2026-3-380-395

УДК 821.161.1-1.09

МРНТИ 17.09.91

**КОРАН В МЕТАФИЗИЧЕСКОЙ ВСЕЛЕННОЙ ДАНИИЛА АНДРЕЕВА:
МОТИВЫ, РЕЦЕПЦИЯ, ТРАНСФОРМАЦИЯ****Рахманова А.Х.^{1*}, Очилова Н.Н.²**^{1*}*Навоийский государственный университет, Навои, Узбекистан*²*Самаркандский педагогический институт, Самарканд, Узбекистан***Автор для корреспонденции: alya211@list.ru***Аннотация**

Статья посвящена исследованию восточного цикла стихотворений Даниила Андреева, в частности произведений «Серебряная ночь Пророка» и «Палестинская мелодия» из сборника «Голоса веков». В центре внимания - механизмы освоения русским поэтом мусульманской религиозно-культурной традиции и ее трансформация в индивидуально-авторскую художественную систему. Актуальность работы обусловлена необходимостью пересмотра имагологических подходов в литературоведении и выявления роли поэзии как инструмента цивилизационного диалога в поликультурном пространстве России.

В отличие от предшествующих исследований, сосредоточенных на биографическом или общерелигиозном контексте, в данной работе предлагается системно-концептуальный анализ восточных текстов Андреева, позволяющий рассматривать их не как экзотическую ориентальную стилизацию, а как результат глубинного метафизического сращения «своего» и «чужого» материала. Новым является выявление специфических приемов поэтической адаптации коранических смыслов, при которых заимствованные образы перестают быть внешними и становятся органичной частью авторского миропонимания.

В статье анализируется, как Андреев преодолевает внешнюю «чуждость» восточного источника через работу с ритмико-синтаксической структурой стиха, систему повторов и пауз, создающих эффект исповедальности и эпичности. Особое внимание уделяется способам передачи смыслов Корана, а также воссозданию восточного миропонимания на уровне образного строя и пространственно-временных отношений. При анализе подчеркиваются важные составляющие метафизики художественного текста Д.Андреева, рассматривается специфика воплощения восточных и коранических мотивов в творчестве поэта, подчеркивается ценность использования поэтом главных смыслов Священной книги мусульман.

Материал излагается последовательно: от постановки имагологической проблемы и методологических оснований (теория системно-концептуального подхода) к конкретному поэтическому анализу двух ключевых текстов, а затем - к обобщению выявленных механизмов метафизического хронотопа, который Андреев выстраивает на стыке русской и восточной культурных традиций.

Результаты исследования показывают, что поэтическая интерпретация Корана у Андреева не сводится к тематическому цитированию, а формирует самостоятельную художественную модель, раздвигающую границы пространства и времени. Созданный синтез восточно-русской культуры обладает ценностным потенциалом для понимания межкультурного диалога, а выявленные принципы адаптации «чужого» материала могут быть применены к анализу других примеров ориентальной поэзии. Дальнейшее изучение творческой динамики Андреева в этом аспекте представляется научно и практически значимым.

Ключевые слова: поэтическая интерпретация Корана, межкультурный диалог, метафизический хронотоп, имагология, ориентальная поэтика, цивилизационно-религиозная коммуникация.

**ДАНИИЛ АНДРЕЕВТИҢ МЕТАФИЗИКАЛЫҚ ӘЛЕМІНДЕГІ ҚҰРАН:
МОТИВТЕР, РЕЦЕПЦИЯ, ТРАНСФОРМАЦИЯ**

Рахманова Ә.Х.^{1*}, Очилова Н.Н.²

^{1*}*Науайи мемлекеттік университеті, Науаи, Өзбекстан*

²*Самарқанд мемлекеттік педагогикалық институты, Самарқанд, Өзбекстан*

**Хат-хабар үшін автор: alya211@list.ru*

Андатпа

Мақала Даниил Андреевтің шығыс өлеңдер циклін, атап айтқанда «Пайғамбардың күміс түні» және «Палестина әуені» атты «Ғасырлар дауысы» жинағына енген шығармаларын зерттеуге арналған. Зерттеудің орталығында орыс ақынының мұсылмандық діни-мәдени дәстүрді игеру механизмдері мен оны жеке авторлық көркемдік жүйеге айналдыру тәсілдері жатыр. Жұмыстың өзектілігі әдебиеттанудағы имагологиялық тәсілдерді қайта қарау қажеттілігімен және Ресейдің көпмәдениетті кеңістігінде поэзияның өркениеттік диалог құралы ретіндегі рөлін айқындаумен негізделеді.

Бұрынғы зерттеулерден өзгешелігі, мұндағы еңбектер негізінен биографиялық немесе жалпы діни контекске назар аударса, бұл мақалада Андреевтің шығыс мәтіндеріне жүйелі-концептуалды талдау жасалып, олар экзотикалық ориенталистік стилизация ретінде емес, «өздік» және «жат» материалдың терең метафизикалық тоғысуының нәтижесі ретінде қарастырылады. Жаңашылдық – Құран мағыналарын поэтикалық бейімдеудің нақты тәсілдерін анықтаудан тұрады, бұл тәсілдер арқылы алынған бейнелер сыртқы сипаттан арылып, авторлық дүниетанымның органикалық бөлшегіне айналады.

Мақалада Андреевтің шығыс дереккөзінің сыртқы «жаттығын» ырғақтық-синтаксистік өлең құрылымы, қайталаулар мен үзілістер жүйесі арқылы қалай жететіні талданады; бұл тәсілдер мойындауыштық пен эпикалық кесектенудің әсерін туғызады. Құран мағыналарын беру тәсілдеріне, сондай-ақ шығыс дүниетанымын бейнелік жүйе мен кеңістіктік-уақыттық қатынастар деңгейінде қайта жаңғыртуға ерекше назар аударылады. Талдау барысында Д.Андреев көркем мәтінінің метафизикалық негізгі құрамдас бөліктері айқындалып, ақын шығармашылығындағы шығыс және құрандық сарындардың бейнелену ерекшелігі қарастырылады, сондай-ақ ақынның мұсылман Қасиетті кітабының негізгі мағыналарын пайдалануының құндылығы атап өтіледі.

Материал бірізді түрде баяндалады: имагологиялық мәселе мен әдіснамалық негіздерді (жүйелі-концептуалды тәсіл теориясы) коюдан бастап, екі негізгі мәтінге толық поэтикалық талдау жүргізуге, содан кейін Андреев орыс және шығыс мәдени дәстүрлерінің тоғысында қалыптастыратын метафизикалық хронотоптың анықталған механизмдерін жинақтауға дейін ұсынылады.

Зерттеу нәтижелері көрсеткендей, Андреевтің Құранды поэтикалық интерпретациясы тақырыптық дәйексөзге саятын емес, керісінше, кеңістік пен уақыт шекарасын кеңейтетін дербес көркемдік үлгіні қалыптастырады. Қалыптасқан шығыс-орыс мәдениетінің синтезі мәдениетаралық диалогты түсіну үшін маңызды эвристикалық әлеуетке ие, ал «жат» материалды бейімдеудің анықталған принциптері ориентальды поэзияның басқа үлгілерін талдауға қолданылуы мүмкін. Андреев шығармашылық динамикасын осы аспектіде одан әрі зерттеу ғылыми және практикалық тұрғыдан маңызды болып табылады.

Кілт сөздер: Құранның поэтикалық интерпретациясы, мәдениетаралық диалог, метафизикалық хронотоп, имагология, ориентальды поэтика, өркениеттік-діни коммуникация.

**THE QURAN IN THE METAPHYSICAL UNIVERSE OF DANIIL ANDREEV:
MOTIFS, RECEPTION, TRANSFORMATION**

A.Kh. Rakhmanova^{1*}, N.N. Ochilova²

^{1*}*Navoi State University, Navoi, Uzbekistan*

²*Pedagogical Institute, Samarkand, Uzbekistan*

**Corresponding author: alya211@list.ru*

Abstract

The article examines the Eastern poetry cycle of Daniil Andreev, specifically the works "The Prophet's Silver Night" and "Palestinian Melody" from the collection Voices of the Ages. The study focuses on the mechanisms by

which the Russian poet assimilates the Muslim religious and cultural tradition and transforms it into an individual authorial artistic system. The relevance of the work is determined by the need to reassess imagological approaches in literary studies and to identify the role of poetry as an instrument of civilizational dialogue within Russia's multicultural space.

In contrast to previous scholarship, which has concentrated on biographical or general religious contexts, this study offers a systemic-conceptual analysis of Andreev's Oriental texts. This approach allows them to be interpreted not as exotic Orientalist stylizations, but as the outcome of a profound metaphysical fusion of the "native" and the "alien" material. The novelty lies in identifying the specific devices of poetic adaptation of Qur'anic meanings, whereby borrowed imagery ceases to be external and becomes an organic component of the author's worldview.

The article analyses how Andreev overcomes the external "otherness" of the Eastern source through his handling of rhythmic-syntactic verse structures, systems of repetition, and caesuras, which produce an effect of confessionalism and epic grandeur. Particular attention is paid to the means of conveying Qur'anic meanings, as well as to the reconstruction of the Eastern worldview at the level of figurative imagery and spatio-temporal relations. The analysis highlights the key metaphysical constituents of Andreev's literary text, examines the specific embodiment of Oriental and Qur'anic motifs in his poetry, and emphasizes the value of the poet's engagement with the core meanings of the Muslim Holy Book.

The material is presented sequentially: from the formulation of the imagological problem and methodological foundations (grounded in the theory of the systemic-conceptual approach) to a detailed poetic analysis of the two key texts, and thence to a synthesis of the identified mechanisms of the metaphysical chronotope, which Andreev constructs at the intersection of Russian and Eastern cultural traditions.

The findings demonstrate that Andreev's poetic interpretation of the Qur'an does not reduce to thematic quotation but instead generates an independent artistic model that expands the boundaries of space and time. The resulting synthesis of Eastern and Russian culture possesses significant heuristic value for understanding intercultural dialogue, and the revealed principles of adapting "alien" material may be applied to the analysis of other instances of Oriental poetry. Further study of Andreev's creative dynamics in this respect appears both scientifically and practically warranted.

Keywords: poetic interpretation of the Qur'an, intercultural dialogue, metaphysical chronotype, imagology, Oriental poetics, civilizational and religious communication.

Введение

Актуальность исследования обусловлена возрастающей ролью межкультурного и межрелигиозного диалога в условиях глобализации и усиления цивилизационных противоречий. В XXI веке, характеризующемся технологической унификацией, но одновременно и ростом культурно-религиозной самоидентификации, литературный обмен становится не просто формой художественной коммуникации, но и инструментом преодоления мировоззренческих барьеров. Русская литература, в силу геополитического положения России и её многовекового взаимодействия с исламским миром, накопила значительный опыт освоения восточных религиозно-философских концептов. Еще А.А. Потебня отмечал, что «процесс поэтического творчества является необходимым для них самих и период развития и завершения поэтической деятельности наступает вместе с завершением их собственного развития» [1, с. 229]. Как справедливо отмечал П.В. Тартаковский, к началу XX века «начала ощущаться историческая ограниченность модели мира, которую на протяжении долгих и беспокойных веков вырабатывало европейское мышление. Все более неуместным выглядело желание строить историографические, религиозные, правовые, нравственные и эстетические концепции, основываясь исключительно на опыте общественной жизни Европы» [2, с. 28]. Эта методологическая установка требует пересмотра механизмов рецепции «чужого» духовного опыта в рамках национальной поэтической традиции.

Объектом исследования является восточный цикл стихотворений Д.Л. Андреева, представленный в сборнике «Голоса веков» и включающий, в частности, произведения «Серебряная ночь Пророка» и «Палестинская мелодия».

Предметом исследования выступают специфика поэтической репрезентации коранических мотивов, а также механизмы трансформации мусульманских религиозно-культурных смыслов в индивидуально-авторскую художественную систему Д.Л. Андреева.

Цель статьи – выявление и системный анализ особенностей воплощения коранических мотивов в творчестве Д.Л. Андреева, а также определение места его поэтического Востока в контексте русской имагологической традиции.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

описать механизмы преодоления «чужеродности» восточного материала в лирике Андреева;

проанализировать структурно-семантическую организацию ключевых стихотворений восточного цикла;

выявить роль ритмико-синтаксических средств в создании метафизического хронотопа, синтезирующего русскую и восточную культурные традиции.

Теоретической основой работы служат труды А.А. Потебни о личностной природе поэтического творчества [1], а также исследования П.В. Тартаковского об исторической исчерпанности европоцентристской модели [2]. Вопросы рецепции исламских мотивов в русской литературе рассматривались в работах М. Эпштейна, Б. Романова, П.В. Алексеева и других авторов. Однако, как показывает анализ научной литературы, целостное исследование, прослеживающее логику развития коранических мотивов от Пушкина к Андрееву, до сих пор не предпринималось. Настоящая работа восполняет этот пробел, предлагая новый системный подход к сопоставительному анализу интерпретаций коранических мотивов в творчестве представителей русской классики.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили поэтические тексты Д.Л. Андреева из цикла «Голоса веков» (в частности, «Серебряная ночь Пророка» и «Палестинская мелодия»), а также публицистические и дневниковые записи автора, позволяющие реконструировать его мировоззренческие установки.

В работе применяется комплексная методология, включающая следующие методы:

Сравнительно-исторический метод. Применяется для установления преемственности между традицией русского ориентализма (в частности, кораническими интерпретациями А.С. Пушкина) и творчеством Д.Л. Андреева. Данный метод позволяет выявить эволюцию имагологических представлений о Востоке в русской поэзии первой половины XX века.

Структурно-семантический метод. Используется для анализа формальной организации стихотворных текстов: ритмического рисунка, строфики, синтаксических конструкций, систем повторов и пауз. С помощью этого метода в работе исследуется, как внешняя форма (структура) участвует в порождении семантических значений, связанных с восточной топикой.

Мотивный анализ. Применяется для выделения устойчивых тематических блоков (мотивов), восходящих к кораническим сюжетам (мотив пророчества, мотив ночного странствия, мотив священного текста). Анализ мотивов позволяет проследить способы адаптации исламских религиозных смыслов в светском поэтическом дискурсе.

Элементы интертекстуального анализа. Используются для выявления скрытых и явных отсылок к Корану, а также к другим восточным источникам, что позволяет охарактеризовать характер диалога Андреева с мусульманской традицией.

Применение данной методологической триады (исторический – структурный – семантический подходы) обеспечивает комплексный характер работы и позволяет рассматривать поэтические тексты как сложные знаковые системы, взаимодействующие с инокультурным материалом на разных уровнях – от тематического до глубинного метафизического.

Результаты. Проблема авторской концепции мировой истории и культуры в творчестве Даниила Андреева состоит в сложной составляющей подхода данного представителя поэзии к проблемам мира. Даниил Андреев, поэт-мистик, чья одаренность очевидна, подарил человечеству не просто стихи, а грандиозную модель истории культуры - внутренне непротиворечивый комплекс идей, настроений и философии. В центре его построений - триада Россия-Запад-Восток, которую он видит не как противостоящие силы, а как связанные единой целью "созидательные органы" человечества. Интуиция Андреева – это дар большого художника и проникновенного лирика, чутко улавливающего "музыку сфер" и грядущие токи истории. Его творчество рождает особую оптику восприятия мира, существующего в неразрывном единстве вертикали (духовного устремления) и горизонтали (земного бытия). Облекая жизненные факты в притчевые формы и мифологические образы, Андреев приходит к прозрениям, чья глубина и точность убедительно свидетельствуют о самобытности и мощи его мировидения. М.Н. Эпштейн, говоря о необычайной талантливости поэта, сравнивал его поэтическое мастерство с «дантовской мощью потусторонней фантазии» [3, с.458], имея в виду необыкновенный художественный мир поэта, его способность видеть в окружающей действительности редкие откровения и открытия, помогающие осознать имплицитные ракурсы искусства. В поэзии Даниила Андреева важнейшую структурную и смыслообразующую роль несет художественный дискурс «рефлексии над собственными и «чужими» текстами» [4, с. 213]. В этом плане, понимание иных поэтических систем мирознания для него, это главный «способ познания иных реальностей и метаисторического смысла событий» [4, с. 317]. Поэт в своем обращении к Востоку проникает в него настолько деликатно, что создается впечатление, что он работает не с чужим, а очень важным и лично близко материалом.

Интерпретация Востока в творческом сознании Даниила Андреева отличается исключительной сложностью и внутренней многогранностью. Будучи ярким представителем переломной исторической эпохи, поэт в силу особенностей своей духовной организации оказался с ней неразрывно связан, тонко чувствуя ее кризисный характер. Эта глубинная связь стала источником его уникальной способности к многомерному и проникновенному восприятию действительности. Что же касается его целостного, всепроникающего мировосприятия, то главным было объяснение данного мира, возможность диалога и объединения разрозненных звуковых и смыслообразующих пространств, объединенных в единое понимание Востока. Проникая в его глубь, Д.Андреев пытался раскрыть важную суть этой части света, углубляясь в специфичность и непохожесть географического пространства, оставлял достаточно серьезные размышления по этому поводу. Ценность анализа историко-культурной концепции Даниила Андреева заключается в возможности проследить взаимосвязь между эмпирической реальностью и трудно формализуемой областью интуитивного знания. Исследовательская задача состоит в том, чтобы сквозь призму его имплицитной картины

мира увидеть авторское сознание, декодируя не только внутреннюю связность его лирических построений, но и те особенности восприятия, что стали почвой для столь масштабной поэтической репрезентации. Характерно, что в немногочисленных, но емких мемуарных зарисовках люди из его окружения особо выделяли глубину и фундаментальную серьезность, которыми была пронизана вся его жизнь. Именно его мирозерцание не исключало возможности взглянуть на мир, как на целое. О нем часто говорили, как о человеке, способном подняться над вершинами духа, соотнося его творчество с поразительными картинами и пророческими видами мира. Метафилософские картины его главной книги жизни «Роза Мира» [5] поднимаются до высот «Божественной комедии» и противопоставляют ей трагическое миропонимание, которое давало возможность к осознанию данного континуума пространства. Будучи всю жизнь православным христианином и считая религию важным смыслообразующим началом жизни человека, Д. Андреев много внимания уделял осмыслению духовного опыта человечества.

В связи с этим пристального внимания заслуживает трактовка ислама, предложенная Андреевым в «Розе Мира». Причисляя его к «религиям правой руки» на основании наличия в нем божественного откровения, автор также выделял центральную роль Пророка Мухаммада (мир ему и благословение), подчеркивая его уникальное положение и указывая на то, что «не подлежат сомнению ни религиозная гениальность Мухаммеда, ни его искренность, ни его вдохновенность высокими идеалами, ни та особая огненная убедительность его проповеди, которая заставляет признать в нем подлинного пророка, то есть вестника мира горнего» [5, с. 247]. Подобные умозрения придают поэтической репрезентации мусульманского Востока у Андреева характер, отмеченный напряженной дуальностью, конфликтующими элементами и разнонаправленными векторами. Творческое сознание поэта схватывало мир во всей его целостности, не умаляя силы внутренних коллизий. Через призму глубины и неординарности судьбы исламского Пророка ему удалось с удивительной точностью выразить фундаментальный дуализм, пронизывающий как микрокосм человеческой личности, так и макрокосм мироздания: «я уходил за городскую стражу, // С моим народом навсегда порвав» [6, с. 153]. Во всем творчестве поэта четко прослеживается тенденция амбивалентности Мухаммада (САВ): он - Пророк, святой в религиозном учении Востока, с другой стороны, он описывается вполне земным человеком, проходящим целый ряд сложных жизненных перипетий.

На этом противоречии и возведена вся грандиозная концепция мировой истории культуры Андреева, в сердцевине которой - драма безысходности и надежда возрождения, вселенский провал и искупительное воскресение человечества. Россия, Запад и Восток - три главных актора этой драмы, каждый из которых выполняет свою судьбоносную миссию в разрешении центрального конфликта.

Глубоко религиозный мыслитель, Андреев мучительно воспринимал трагическую убыль мощи мира, его духовное и материальное оскудение. И в этой картине именно Восток наделен ролью роковой, грозной и необходимой силы, вызову которой обязана своим преображением Россия: лишь в противоборстве с ним она отстаивает право на грядущее, а русский человек, преображаясь, внутренне усваивает сам образ Востока. Почему же в историософской конструкции Андреева Востоку отведена столь важная роль вечного катализатора? В рамках нашего анализа мы намерены продемонстрировать, каким образом, преломляя реальную историческую почву, Андреев творит свой особый, иррациональный мир восточных феноменов. Этот образ Востока - не застывшая догма, а

живая, динамичная и целостная система. Поэтические подходы Андреева к исследованию данной темы продиктованы фундаментальной потребностью самого автора в декодировании уникальной природы восточного культурного ареала.

Эстетическое и духовное богатство Востока – его полихромная яркость, орнаментальная сложность и глубины мусульманской мысли – стали органичным и мощным источником его творчества. Эволюционируя на протяжении лет, представления поэта синтезировали в себе совокупность культурных наблюдений и его собственную религиозную рефлексию. Наиболее значительным воплощением этого синтеза стал цикл «Голоса веков», задуманный как поэтическая интерпретация ислама и его священного Писания.

Фундаментом для стихотворения «Серебряная ночь Пророка» послужил коранический нарратив о ночном путешествии и вознесении (аль-Исра валь-Миградж) Пророка Мухаммада (САВ). Тема достаточна важна и серьезна и с точки зрения мусульманской апологетики, так как разрешает очень много вопросов, связанных с рядом религиозных исламских канонов и предписаний. В мусульманских историях о Миладже говорится, что эта ночь предопределила многое в судьбе Мухаммада (САВ). В эту ночь архангел Джibriиль (Гавриил) перенес Пророка из Мекки в Иерусалим для того, чтобы он узрел великую и удивительную мощь Всевышнего. Это чудесное событие предварено яркими историями: снисхождение ангела, рассечение груди, обмывание сердца водой источника Зам-зам, наполнение верой, появление молниеносного Бурака, пустыня, звезды, остановки и совершение ракатов намаза в сакральных местах (Медина, дерево пророка Мусы (Моисея), место рождения пророка Исы (Иисуса)), мечеть Аль-Акса, совершение коллективного намаза, подъем и поэтапное прохождение всех семи небес, знакомство и приветствия Пророков, встреча с Аллахом, предписания народу Мухаммада (САВ). Эту почитаемую в мусульманстве ночь в исламе называют ночью Вознесения или аль-Исра валь Миладж. Сам Миладж воспринимается как оказание глубокого уважения и почета последнему из всех Божьих Пророков на Земле – Мухаммаду (САВ). О важности этой ночи в священном Коране говорится в 17 и 53 сурах, которые передают непререкаемую ценность этого события. Если определить генеральный вектор формирования образа у Даниила Андреева, то его можно описать как движение от частного историко-религиозного факта – ночного путешествия Пророка (Исра и Миладж) к созданию универсальной, символически нагруженной категории. Этот образ подвергается постоянной смысловой экспансии за счет нарастающей коннотативной насыщенности, что в конечном итоге углубляет и расширяет его информационно-семантический потенциал.

К сюжету о Миладже Пророка Мухаммада (САВ) апеллировали многие представители русской классической литературы (А.С. Пушкин, Ф.М. Достоевский, И.А. Бунин), усматривая в данном кораническом нарративе ключ к поэтической интерпретации фигуры исламского Пророка.

Наиболее ярко эта тенденция воплотилась в стихотворении А.С. Пушкина «Пророк», где актуализируется фундаментальная для мировой культуры тема «Поэт-Пророк». Еще в 1815 году, в период обучения в Царскосельском Лицее, знакомясь с публикациями в «Вестнике Европы», Пушкин знакомится с ориенталистской статьей А. Болдырева «Могаммедово путешествие на небо» [7]. В этом тексте в доступной форме излагались обстоятельства ночного путешествия (аль-Исра) Пророка Мухаммада (САВ) в Иерусалим и его вознесения (аль-Миградж) к Престолу Аллаха. Болдырев отмечает и детализирует в статье «обряд очищения Пророка» и говорит, что перед началом Миладжа

явившийся Пророку архангел Джибраил (Гавриил) «вынимает из груди его сердце, выжимает из него черную каплю – начало прародительского гнева, моет оное, наполняет верою и познанием и потом кладет его на прежнее место» [7]. Мистический пафос этого описания оказал мощное воздействие на творческое сознание юного Пушкина и становится материалом, которому Пушкин дает свою интерпретацию. Создавая образ «Пророка-Поэта», Пушкин пользуется отдельными эпизодами из информации о мусульманском Пророке. Совершая это творческое преломление, Пушкин производит знаковую замену: канонический для исламского предания архангел Гавриил уступает место мощному библейскому образу - «шестикрылому Серафиму»:

«Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился, -
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился...»

Этот ход позволяет поэту вывести тему пророчества за рамки конкретной религии, придав ей общечеловеческое, метафизическое звучание. Пушкинские интуиции о сложном пути пророка обретают здесь новое дыхание. Творчески ассимилируя идеи из Священных Писаний - как Библии, так и Корана, - Пушкин фокусируется на глубинных, сущностных параллелях. Тщательное изучение жизнеописаний святых и пророков дает ему ключ к распознаванию той едва уловимой грани, что разделяет прямое божественное откровение пророка и высшее озарение поэта. Пушкинский Пророк предстает в качестве синтезирующего образа, вобравшего в себя характерные черты божественных посланников различных традиций и воплощающего идею высшей, духовной правды. Поэт утверждает сакральный статус творца, осознающего божественную предопределенность своего пути, что и обуславливает уникальную семантическую наполненность данного персонажа.

Таким образом, Пророк у Пушкина – это не просто стихотворец, но именно Божий избранник, носитель откровения, чья миссия - нести человечеству свет истины.

Обнаруживая существенные типологические сходжения с жизнеописанием Пророка Мухаммада (Сав), мы можем утверждать, что Пушкин сознательно заимствовал ряд ключевых реалий из истории исламского Пророка, поскольку мир мусульманской духовности органично вписывался в его творческий универсум. В результате поэт конструирует единое метафизическое пространство, объединяющее библейские и коранические истины. Центральной для него становится задача гармоничного соединения этих двух фундаментальных текстов человеческой цивилизации.

Анализ пророческих традиций позволяет выдвинуть гипотезу о том, что наряду с библейскими источниками, существенное влияние на создание торжественного текста Пушкина оказали конкретные коранические суры. В качестве смысловых ориентиров могли выступать: сура 97 «Аль-Кадр» (аят 4): «В эту ночь нисходят ангелы и Дух [Джибрил] с дозволения Господа их для всяких повелений» - утверждающая тему нисхождения божественного откровения. В суре 96 «Аль-Аляк» (аяты 3-5) актуализируются мотивы божественного приказа к провозглашению знания: «Читай, ведь твой Господь - Самый великодушный. Он научил посредством письменной трости. Научил человека тому, чего тот не знал». В 74 суре «Аль-Муддассир» (аяты 1-3) передаются идеи бремени пророческой миссии и призыва к публичной проповеди: «О

закутавшийся! Встань и увещевай! И Господа твоего величай!» Пушкин создает свое видение важных истин:

Как труп в пустыне я лежал,
И бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей»

Отзвуки восточной поэзии и Корана живут во многих произведениях поэта, его понимание важности и необходимости ценностной красоты добрых взаимоотношений людей, выделяются сокровенностью мысли и глубиной содержания идеи.

Ф.М. Достоевский в своем творчестве тоже демонстрирует удивительно бережное и вдумчивое отношение к мотивам, идущим от исламской культуры. Для писателя каждая деталь становится важным семантическим узлом, связывающим мусульманские предания с христианскими параллелями. Яркий пример - отсылка к мираджу во второй части «Идиота», где, описывая состояние князя Мышкина, Достоевский раздвигает привычные границы пространства-времени: «Вероятно, - прибавил он, улыбаясь, - это та же самая секунда, в которую не успел пролиться опрокинувшийся кувшин с водой эпилептика Магомета, успевшего, однако, обозреть все жилища Аллаховы» [9, с. 257]. Ощущение времени, сродное эпилептическому припадку (который сам автор считал «священным»), становится для Достоевского ключом к пониманию дара пророческих переживаний, ниспосланного Мухаммаду (Сав). Мука от болезни оборачивается, по его мысли, благодарностью за уникальную способность прикоснуться к иным мирам.

Исследователь П.В. Алексеев видит в «мотиве кувшина Магомета» актуализацию проблемы разграничения внутреннего и внешнего времени: «пророк совершил «горизонтальное» путешествие из Мекки в Иерусалим, а оттуда «вертикальное» - на спине крылатого животного на небо... и все это за такое короткое «внешнее» время, что, вернувшись, Магомет успел остановить падение кувшина...» [10, с. 9]. Таким образом, Достоевский не просто заимствует сюжет, но дает его глубоко личное, экзистенциальное прочтение, выходящее за рамки любых литературных клише.

И.А. Бунин, по мнению П.И. Тартаковского, развивает в своем творчестве «гуманистическую идею исторической связи Востока и Запада» [2, с. 19]. Его сила - в уникальном сочетании глубоко личного переживания и блестящего художественного воплощения сложных мотивов, навеянных Кораном. В очерках «Тень птицы», создавая свой образ Палестины, Бунин с потрясающей пластичностью описывает мечеть Омара, которая «цветет над нищей и нагой Иудеей во всем богатстве и великолепии своих палевых кафель, голубых фаянсов, черно-синего купола, громадного мраморного двора и тысячелетних кипарисов» [11, с. 60].

Это не просто живописание достопримечательности. Через зримую, почти осязаемую красоту и строгость линий Бунин подводит нас к осознанию вечных истин, скрытых в основе миропорядка, демонстрируя, как эстетическое переживание рождает экзистенциальное прозрение.

Эта мечеть – знаковое явление в истории религий мира, ее называют «Куббат ас-Сахра» («Купол Скалы»), а скала Мориа встречается во всех библейских, мусульманских и талмудических преданиях. Бунин очень осторожно подходит к

осознанию этой общности миров, тонко очерчивая грани возможных прикосновений: «Камень Мориа, скала, на которой первый человек принес первую жертву Богу, есть средоточие мира. Скалу Мориа, что была некогда покрыта храмом Соломона, а ныне хранима мечетью Омара, положил в основание вселенной сам Бог» [11, с.62]. Бунин создает целое аналитическое предписание по поводу данной святыни, раскрывая ее особенное воплощение в трех основных религиозных толкованиях. «В Иерусалиме бог сказал скале: ты – основание, от коего начал я создание мира... От тебя воскреснут сыны человеческие из мертвых» [11, с.63]. «Магомет – в ночь своего путешествия из Медины в Иерусалим на верблюдице Молнии – стал своей священной стопой на скалу Мориа, раскачивающуюся между небом и землею. Был взмах, почти достигший врат рая, - и Скала издала крик радости. Но пророк повелел ей молчать – и вошел во врата рая. А скала вновь пала к земле - и вновь вознеслась – и в движении своем пребывает и доныне: не мешаясь с прахом и не смея преступить неба» [11, с.63]. «Кабалистические книги говорят: Адонаи-господь воздвиг в Бездне Камень и начертал на Камне имя святое...» [11, с.63]. В священном Коране об этом сказано следующее: «Слава тому, кто ночью перенес своего служителя из святого храма в Мекку в далекий благословенный нами храм Иерусалимский и показал чудеса наши. Бог слышит и видит все» (Коран, 17:1) [12, с.264]. Бунин, создавая почти полную соотнесенность со Священным Кораном, подчеркивает особое единство ветхозаветной, библейской и исламской веры, что в данном тексте находит яркое подтверждение. Учет подобных «диалогических отражений христианских и исламских мотивов и образов в творчестве русских поэтов и писателей актуален и важен для формирования новых культурологических акцентов и аспектов, преодоления методологических издержек европоцентризма и христоцентризма в характеристике русской словесности. Такой подход определяется необходимостью преодоления моноконфессионального принципа в интерпретации духовной природы русской культуры и литературы, утверждения ценностных ориентиров и идеалов, несовместимых с проявлениями национальной и конфессиональной нетерпимости» [13].

Обсуждение. Даниил Андреев, подобно своим предшественникам, тоже создает некий опыт сопереживания, когда в одном поэтическом восприятии момента оказываются два сознания: Пророка и Поэта. Важно констатировать, что Д.Андреев уходит от предвзятости в описании Востока, его не интересуют и не вдохновляют яркие картины и экзотика арабского Востока, он пытается увидеть внутреннюю суть проблемы, прочувствовать сам опыт путешествия Пророка, его мираджа и «полета» к Престолу Господню. Преодоление границ мира, духа, отрыв от «плоти и свинцового плена» [6, с. 152], где «над белоснежною Меккою» [6, с.150] - обозначение важности пространства, внутри которого так существенны выбранные эпитеты, «звезды вонзают в душу тысячи звонких жал...» [6, с. 150] – мир божественного предопределения. Поэту важна структурированность созданного, постепенно, словно из глубины веков Востока выходят образы: «благоговейный трепет сердце Пророка сжал», «шум непомерных крыл», «конь с человеческим ликом», «сирийский ветер», «первые небеса» [6, с. 151].

Д. Андреев словно расширяет границы видимого, наполняя пространство новыми ощущениями и реалиями: «иерархии гигантские ширятся впереди» [6, с. 151]. Сам поэтический текст наполнен особой семантикой, внутри которой чувствуется таинственная связь веков. Текст отличается почти фотографической точностью в изображении святынь, глубокая роскошь в описании восточной ночи: «звезды вонзают в душу тысячи острых жал» и пустынного зноя: «сирийский ветер душит». Здесь очень важно отметить умение Андреева чувствовать и отражать специфику восточного. Его

понимание глубины и значимости исламских мотивов показывают тонкое чутье художника. В данном произведении, поэт воссоздает ряд текстовых коранических реалий. Д. Андрееву удается передать важность ситуации, он структурирует время, сжимает его подобно удивительному и божественному хронотопу Корана, и мы видим только лишь констатацию перечисления фактов, внутри которой прослеживается и угадывается множественность событий текста: «конь с человеческим ликом, десятикрылый гонец», «спящий Иерусалим», «уединенный храм», «ждут Моисей и Христос», «Первые небеса», «последнее Небо», «глагол непреклонный звал», «скрывают лицо Аллаха семьдесят покрывал», «голос, как ста водопадов шум» [6, с. 151] и т.д. Специфичность момента – в множественности сакральных событий.

Уникальность данного текста в глубине прочувствования материала, где поэт создает свое видение момента, наполненное божественным и предопределяющим смыслом. В данном тексте «Серебряная ночь Пророка» все дышит глубинным мироощущением могучего оживляющего слова Пророка Мухаммада (Сав), за которым угадывается и пушкинское:

«Как опоясанный громом,
И молниями
Самум:

Восстань и гряди, избранник, вдоль всех городов и стран,
Провозглашай народам
Мой истинный Аль-Коран!» [6, с. 151]

Так, в стихотворении Д. Андреева, поэт понимает и принимает важное пушкинское утверждение необратимости пути Пророка, и в его тексте «Восстань и гряди, избранник, вдоль всех городов и стран, /Провозглашай народам мой истинный Аль-Коран!» [6, с. 151] слышится пушкинская цитата: «Восстань Пророк, и виждь, и внимли, / Исполнишь волею Моей, / И, обходя моря и земли, / Глаголом жги сердца людей» [14, с. 385].

Д. Андреев, практически создает свое понимание данной коранической истории, внутри которой скрыто явление глубокого поэтического ряда. Он интуитивно владеет образным рядом языка, создавая незаметную параллель единства понимания. Нарочитое сгущение в употреблении пушкинского элемента «Восстань» делает его заметным, структурно активным. Этим достигается эффект важности фразы, имитируется организованность, простота, естественность текста. Здесь глубок и важен контекст, сама картина, размышление о сущности мироздания: «Звезды, летящие вверх... Гаснущие голоса...» [6, с. 152].

Поэту важна определенная художественная функция употребляемых им лексических единиц. Все слова оказываются сгруппированы в определенные семантические ряды космического пространства: «Иерархии гигантские ширятся впереди: между очами ангела – тысячи дней пути...» [6, с. 153]. Текст включает в себя некоторые последовательности, производящие впечатления избранной необычности. Здесь нет особой предрасположенности к детальной прорисовке образа, автор создает некоторое семантическое целое, включающее пересечение областей значений этих слов и создает связанный ряд огромности данного космического пространства.

По силе поэтического воздействия и по глубине проникновения, Д. Андреев создает космическое обозначение видения текста Корана. Он понимает, что Книга Священного Писания в сжатой, лаконично глубокой форме со специфичной коранической ритмикой

и пластической образностью, создает мир важнейших предписаний человечеству. Отсюда и вдумчивая работа поэта по реконструкции коранического текста. Поэт работает с образной канвой 17 суры Корана «Перенес ночью»: «Пречист Тот, Кто перенес ночью Своего раба, чтобы показать ему некоторые из наших знамений, из Заповедной мечети в мечеть аль-Акса, окрестностям которой Мы даровали благословение. Воистину, Он - Слышащий, Видящий» (Коран, 17:1). Андрееву важен, с нашей точки зрения, арабский Восток, бытовые реалии которого являются олицетворением Мекки с ее особенным мироустройством и миропониманием: «дух песков накаленных, «благоговейный трепет Пророка», «конь с человеческим лицом», «сирийский ветер», «путешествие в Иерусалим», «первые небеса», «скрывают лицо Аллаха семьдесят покрывал» [6, с.151-153]. О покрывале, упомянутом в тексте Д. Андреева, Священный Коран утверждает: «Когда ты прочел Коран, Мы воздвигли между тобой и теми, кто не верит в Последнюю жизнь, невидимую завесу. Мы набросили на их сердца покрывала, дабы они не могли понять его (Коран), и лишили их уши слуха. Когда ты поминаешь в Коране своего Единственного Господа, они отворачиваются, испытывая к этому отвращение» (Коран, 17:45-46). Д. Андрееву удается приблизиться к пониманию единичности момента в истории мусульманской религии, прочувствовать важность ситуативного явления. Д. Андреев работает исходя из знаковой природы данного события, представляя глубину культурно-исторической и семиотической парадигмы периода. Коранический мотив, предельно обоснован и убедителен у Андреева.

Подчеркнутая в каждом эпизоде привязанность к окружающему миру, его особенность, пустынность, одиночество, маркированное отсутствием других фигур - актуализируют тему поиска выхода появлением ряда событий: «шум непомерных крыл», «конь, десятикрылый гонец, с человеческим ликом» «мчит Пророка на север», «хлещет сирийский ветер», «сходит ночной наездник в спящий Иерусалим» [6, с.151]. Нарративом транслируется и ответ, нарастание действия - молитва в храме, подъем на небеса, лицезрение Аллаха через «семьдесят покрывал», голос Бога - «ста водопадов шум», «опоясанный громом и молниями самум». Пройдя сложные трансформационные этапы, герой из пассивного наблюдателя превращен в Пророка, это подтверждают завершающие строки художественного текста. Семантика данной предлагаемой логики событий, представлена как тягостное завершение пути от «звезд, летящих вверх», до «гаснущих голосов», «плоти свинцовый плен». Такая широта использованных художественных средств позволяет предположить, что смыслы художественного восприятия Д. Андреевым транслированы максимально полно и выражают понимание поэтом специфичности Пророческого пути.

Модальный вектор развития данного стихотворного текста выполняет в его образной системе структурообразующую функцию. Он определяет не просто тему, но сам способ бытия лирического героя в мире, задавая систему координат, в которой возможны пророческое откровение, преодоление земных пределов и встреча с божественным: «всякий рассказ, картина, стихотворение есть, конечно, сложное целое, составленное из различных совершенно элементов, организованных в различной степени, в различной иерархии подчинений и связи; и в этом сложном целом всегда оказывается некоторый доминирующий и господствующий момент, который определяет собой построение всего остального рассказа, смысл и название каждой его части» [15, с.112]. Определённая заданность тематики и развития поэтической сюжетной линии позволяет понять и сложность заключения андреевского текста, внутри которого выявляется определенная недосказанность, загадочное многоочие:

По-прежнему бдит над Меккой
белой кометы хвост,
Дух песков остывающих
и острых могучих звезд...

Текст формально имеет определенное ощущение недосказанности полёта мысли автора над действительностью, где через фразу «по-прежнему» мы считываем информацию о выделении момента поэтом, подчеркивании им важности места и пространства происходящего. В живом организме поэтического текста язык никогда не остается статичным: значения уточняются, формы преодолеваются, слова обретают новые смысловые выражения, чтобы полнее выразить мысль и чувство автора. Этот процесс и рождает ту самую концентрацию поэтического чувства, которая позволяет выделить и зафиксировать самый важный, кульминационный момент.

Сюжет здесь выстроен не просто по законам причинности, но и подчинен внутреннему, почти благоговейному отношению автора к священной основе повествования. И подобно тому, как первый аккорд задает все звучание музыкальной пьесы, начальные строки определяют эмоциональный строй и «звуковой ландшафт» всего произведения.

Уже в первых, бесстрастно-величавых строках: «Над белоснежною Меккою – / гибкий кометы хвост, // Дух песков накаливших / И острых могучих звезд...» [6, с.151] – звучит не просто описание, а философское обобщение. Эта возвышенная интонация рождена пониманием поэтом всей глубины и противоречивости коранического сказания, в котором заключены общечеловеческие истины высочайшего нравственного накала.

В «Палестинской мелодии» Даниил Андреев творит свой собственный, глубоко личный образ Святой земли - Палестины, осмысляемой им как уникальное пространство диалога трех великих религий. Напряженность этого образа сфокусирована в ключевом символе: «над Галилеею грустной руки воздел муэдзин» [6, с.152], который становится точкой сборки всего поэтического пространства.

Первообраз Палестины у Андреева рождается из сплава поэтических переложений восточных легенд, действие которых разворачивается на земле Ханаана. Эта Обетованная земля предстает в двойном свете. Это и воспетые поэзией Вифлеем, Кана, Дамаск - оазисы вечного бытия, земного рая, и одновременно - места, где вечно нарушаются Законы Божьи, что вкупе с множеством нравственных противоречий служит почвой для страшных трагедий, разыгрывающихся у самых алтарей.

Андреева в этом нарративе захватывает прежде всего его нравственно-этический нерв, та психологическая мощь, что позволяет ощутить объединяющий стержень разных традиций и через это проникнуть в сокровенную суть Востока.

Поэтическая реконструкция Святой земли у Даниила Андреева представляет собой не просто описание, а диалогическую модель, выявляющую проблемы и потенциал сосуществования различных религиозных систем. Автор сознательно дистанцируется от догматических рамок, находя эстетическое и духовное значение в полифонии восточного мира: «звуках вечерних минаретов», «розовых миражах Дамаска», «разноликих толпах», что свидетельствует о его стремлении к синтезу религиозного и художественного начал.

Ключевые концепты («Алла-иль-Алла», «вечно священные камни») лишены у Андреева оттенка экзотики; они функционируют как органичные элементы художественного универсума, передающего подлинность восточного мирозерцания. Поэт создает систему «возвышенного» и «святого», где Восток предстает не как объект,

а как смыслопорождающее пространство, требующее распознавания и диалогического принятия.

Заключение

Проведённое исследование показало, что обращение Д.Л. Андреева к восточной, в особенности коранической, тематике не является экзотической стилизацией или данью ориентальной моде. Напротив, поэт реализует глубинную метафизическую стратегию, в рамках которой «чужой» религиозно-культурный материал перестаёт быть внешним по отношению к авторскому сознанию и становится органической частью его художественного мира.

Восток в творчестве Андреева становится местом метафизической силы, осмысляемым через призму трагического историзма. Уникальность его подхода определяется системообразующей ролью синтаксической организации и внутренней формы текстов, которые не просто описывают, а конституируют особое восприятие реальности. Это позволяет поэту выстраивать целостную модель диалога культур, основанную на нравственных доминантах и глубоком проникновении в мир коранических концептов.

Таким образом, образ Востока у Д. Андреева – это форма художественно-философского сопереживания, определяющая его концепцию мировой истории культуры. Через персонификацию лирического опыта и актуализацию исторической памяти поэт создает единое ассоциативное пространство, где прошлое и настоящее, Запад и Восток сходятся в точке вечного диалога и совместного поиска истины. На этом основании в творчестве Андреева происходит ключевое событие: растворение границ между Востоком и Западом, между вчера и сегодня. Поэт создает уникальную модель «двухмерного» времени, и из этого сплава рождается центральная идея его взгляда на историю культуры. В рамках этой идеи Восток получает особую миссию – быть катализатором возрождения и воскресения, возвращения вечных ценностей в сердцевину современности. Образ Востока в этой системе не просто расширяется – он обретает новую онтологическую глубину, становясь структурным элементом многогранной вселенной Андреева. При этом необходимое противостояние-диалог с Востоком осмысливается поэтом не как угроза, а как шанс русской культуры на внутреннее преобразование, пробуждение ее дремлющих сил и исполнение ее высшего предназначения. Цельность, глубина и удивительная прозорливость этой культурно-исторической концепции позволяют с уверенностью утверждать: наследие Андреева-мыслителя представляет собой не менее ценный дар, чем его поэтическое творчество, и заслуживает самого пристального изучения.

Полученные результаты позволяют утверждать, что Андреев не просто заимствует восточные образы, а создаёт самостоятельную художественную модель, обладающую эвристическим потенциалом для понимания межкультурного диалога. Выявленные принципы адаптации «чужого» материала могут быть применены к анализу других примеров ориентальной поэзии. Дальнейшее изучение динамики творчества Андреева в аспекте его взаимодействия с восточной традицией представляет как научный, так и практический интерес для развития имагологических исследований в современном литературоведении.

Литература:

1. Потебня А.А. Мысль и язык. – М., 1999. – 268 с.
2. Тартаковский П.И. «Арабский цикл» Ивана Бунина // Тартаковский П.И. Русские поэты и Восток. – Ташкент: ТГПИ, 1986. – С. 3-42.
3. Эпштейн М.Н. Слово и молчание: метафизика русской литературы. – М., 2006. – 559 с.
4. Романов Б.С. Путешествие с Д. Андреевым: книга о поэте-вестнике. – М., 2006. – 440 с.
5. Андреев Д.Л. Роза мира. Собр. соч. в 4 т. – М., 1995. – Т. 2. – 492 с.
6. Андреев Д.Л. Серебряная ночь Пророка. Палестинская мелодия. // Гаврилов Ю.А., Шевченко А.Г. Взаимопроникновение культур. Коран в русской поэзии. – М.: Наука, 2006. – 180 с.
7. Указатель исторических статей, помещенных в журналах: «Вестник Европы», «Русская мысль», «Русское богатство», «Мир Божий», «Современный мир», «Образование» (за 1801–1908 гг.) [Электронный ресурс] // Российская государственная библиотека. – URL: <https://search.rsl.ru/> (дата обращения: 02.09.2026).
8. Аль-Коран аравлянина Магомета / пер. с араб. М. Веревкина. – М., 1790. – Ч. 2 [Электронный ресурс] // Викитека. – URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Индекс:Аль-Коран аравлянина Магомета \(пер. М. Веревкина, 1790\) – часть 2.pdf](https://ru.wikisource.org/wiki/Индекс:Аль-Коран_аравлянина_Магомета_(пер._М._Веревкина,_1790)_-_часть_2.pdf) (дата обращения: 02.09.2026).
9. Достоевский Ф.М. Идиот // Собрание сочинений: в 10 т. – М.: Гослитиздат, 1957. – Т. 6. – 735 с.
10. Алексеев П.В. Мусульманский Восток в поэтике Ф. Достоевского [Электронный ресурс] // Academia.edu. – URL: <https://www.akademia.edu/> (дата обращения: 02.09.2026).
11. Бунин И. Камень. Собр. соч. в 4 т. Т. 2. – М., 1988. – 590 с.
12. Коран Магомета / новый пер. с араб. текста М. Казимирским; пер. с фр. К.А. Николаева. – М.: М.В. Клюкин, [1901]. – 588, [20], XVI с. [Электронный ресурс] // Национальная электронная библиотека (НЭБ). – URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_v19_rc_1736910 (дата обращения: 02.09.2026). – С. 264.
13. Ислам и русская классическая литература [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU. – URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=42474758> (дата обращения: 02.09.2026).
14. Пушкин А.С. Пророк // Сочинения: в 3 т. / под ред. Д.Д. Благого. – М.: Художественная литература, 1985. – Т. 1. – 735 с.
15. Выготский Л.С. Психология искусства. – М.: Искусство, 1986. – 574 с.

References:

1. Potebnya, A.A. (1999). *Mysl' i yazyk* [Thought and Language]. - Moscow. - 268 p.
2. Tartakovskiy, P.I. (1986). "Arabskiy tsikl" Ivana Bunina [Ivan Bunin's "Arabic Cycle"]. In P.I. Tartakovskiy, *Russkie poety i Vostok* [Russian Poets and the East] (pp. 3–42). - Tashkent: Tashkent State Pedagogical Institute (TGPI).
3. Epshteyn, M.N. (2006). *Slovo i molchanie: metafizika russkoy literatury* [Word and Silence: Metaphysics of Russian Literature]. - Moscow. - 559 p.
4. Romanov, B.S. (2006). *Puteshestvie s D. Andreevym: kniga o poete-vestnike* [Journey with D. Andreev: A Book about the Poet-Messenger]. - Moscow. - 440 p.
5. Andreev, D.L. (1995). *Roza mira* [Rose of Peace]. In *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Collected Works: in 4 Vols.] (Vol. 2, 492 p.). Moscow. (Comp. and text prep. by A. Andreeva).
6. Andreev, D. L. (2006). *Serebryanaya noch Proroka. Palestinskaya melodiya* [The Prophet's Silver Night. Palestinian Melody]. In Yu.A. Gavrillov & A.G. Shevchenko (Eds.), *Vzaimoproniknovenie kul'tur: Koran v russkoy poezii* [Mutual Penetration of Cultures: The Qur'an in Russian Poetry] (p. 180). - Moscow: Nauka.
7. Ukazatel' istoricheskikh statey, pomeshchennykh v zhurnalakh: "Vestnik Evropy", "Russkaya mysl'", "Russkoe bogatstvo", "Mir Bozhiy", "Sovremennyy mir", "Obrazovanie" (za 1801–1908 gg.) [Index of Historical Articles Published in the Journals: "Bulletin of Europe," "Russian Thought," "Russian Wealth," "World of God," "Modern World," "Education" (for 1801–1908)]. (n.d.). Russian State Library. Retrieved September 2, 2026, from <https://search.rsl.ru/>

8. Al'-Koran aravlyanina Magometa [The Qur'an of the Arab Muhammad]. (1790). Pt. 2. (Trans. from Arabic by M. Verevkin). Retrieved September 2, 2026, from [https://ru.wikisource.org/wiki/Индекс:Аль-Коран_аравлянина_Магомета_\(пер._М._Веревкина,_1790\)_-_часть_2.pdf](https://ru.wikisource.org/wiki/Индекс:Аль-Коран_аравлянина_Магомета_(пер._М._Веревкина,_1790)_-_часть_2.pdf)
9. Dostoevskiy, F.M. (1957). Idiot [The Idiot]. In Sobranie sochineniy: v 10 t. [Collected Works: in 10 Vols.] (Vol. 6, 735 p.). - Moscow: Goslitizdat.
10. Alekseev, P.V. (n.d.). Musul'manskiy Vostok v poetike F. Dostoevskogo [The Muslim East in the Poetics of F. Dostoevsky]. Academia.edu. Retrieved September 2, 2026, from <https://www.akademia.edu/>
11. Bunin, I.A. (1988). Kamen' [The Stone]. In Sobranie sochineniy: v 4 t. [Collected Works: in 4 Vols.] (Vol. 2, 590 p.). - Moscow.
12. Koran Magometa [The Qur'an of Muhammad]. (1901). (New trans. from Arabic by M. Kazimirsky; trans. from French by K.A. Nikolaev; rev., corr., and suppl. ed.). Moscow: M.V. Klyukin. 588, [20], XVI p. Retrieved September 2, 2026, from National Electronic Library (NEL), https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_v19_rc_1736910 (p. 264).
13. Islam i russkaya klassicheskaya literatura [Islam and Russian Classical Literature]. (n.d.). Scientific Electronic Library eLIBRARY.RU. Retrieved September 2, 2026, from <http://elibrary.ru/item.asp?id=42474758>
14. Pushkin, A.S. (1985). Prorok [The Prophet]. In Sochineniya: v 3 t. [Works: in 3 Vols.] (Vol. 1, 735 p.). - Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (Ed. D.D. Blagoy).
15. Vygotskiy, L.S. (1986). Psikhologiya iskusstva [Psychology of Art]. - Moscow: Iskusstvo. - 574 p.

Information about the authors

A. Kh. Rakhmanova – Doctor of Philological Sciences (Dsc), Navoi State University, Navoi, Uzbekistan; e-mail: alya211@list.ru; ORCID: 0000-0002-1388-6766;

N.N. Ochilova – a lecturer at the Department of Russian Language and Literature at the Pedagogical Institute, Samarkand, Uzbekistan; ORCID: 0009-0006-8345-6119.